

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

Россия, Самара.
Russia, Samara.

САВЕНКОВА Елена Владимировна / Elena SAVENKOVA

Самарская гуманитарная академия.
Кафедра философии.
Доцент.Samara Academy of Humanities. Philosophy Department.
Associate professo.

ИВАНЕНКО Елена Анатольевна / Elena IVANENKO

Администратор сайта «Философская Самара».
«Philosophical Samara» website administrator.

КОРЕЦКАЯ Марина Александровна / Marina KORETSKAYA

Самарская гуманитарная академия. Кафедра философии.
Заведующая кафедрой, кандидат философских наук, доцент.PhD in Philosophy, associate professor,
Chair of Philosophy Department of Samara Academy of Humanities.

ПО ТУ СТОРОНУ РЕЧИ И ПИСЬМА: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

В статье рассматриваются характерные черты коммуникативных практик, присущих интернет-сообществам. Трансгрессивное движение по ту сторону речи, письма, автора и смысла может быть истолковано не как симптом деградации, а как производное койне-эффекта, что с точки зрения авторов, свидетельствует о мощном энергетическом потенциале сетевой коммуникации.

Ключевые слова: виртуальные сообщества, коммуникация, речь, письмо, автор, интернет-мем, орфо-арт, койне-эффект

The Other Side of Speech and Writing: The Communicative Practices of Internet Communities

The article deals with characteristic features of the communicative practices of Internet communities. Transgressive movement to the other side of speech, writing, and meaning can be interpreted not as a symptom of degradation, but rather as a derivation of the Koine effect which, from the authors' points of view, testifies to the great and powerful potential of Internet communication.

Key words: virtual communities, communication, speech, author, internet, ortho-art, Koine effect

В *Хазарском словаре* Павича есть один образ, чья завораживающая странность как нельзя лучше подходит для описания практик коммуникации современных сетевых сообществ. Речь идет о персонаже по имени Ефросиния:

«...госпожа Ефросиния сидела босая и плакала в свои волосы. Под волосами виднелись обнаженные груди госпожи Ефросинии, обрамленные, как глаза, ресницами и бровями, и из них, как темный взгляд, капало темное молоко (...). Руками с двумя большими пальцами она отламывала кусочки хлеба и опускала их себе в подол. Когда они размокали от слез и молока, она бросала их к своим ногам, а на пальцах ног у нее вместо ногтей были зубы. Прижав ступни друг к другу, она этими зубами

жадно жевала брошенную пищу, но из-за того, что не было никакой возможности ее проглотить, пережеванные куски валялись в пыли вокруг...»¹

С подобным смещением органов и функций человеческого тела, а также с дробностью смысла происходящего, так отчетливо показанными в этом фрагменте, мы столкнулись при попытке тематизировать специфику общения в социальных сетях и виртуальных сообществах. Действительно, можно сказать, что поток «устной» речи в чатах делегирован пальцам

¹ Павич М. *Хазарский словарь*. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2003. С. 225.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

пользователя, сложная работа мимических мышц упакована в простенькие коды эмодиконов, а павичевская «невозможность проглотить» сказывается в огромном количестве сообщений, оседающих на страницах форумов и соцсетей, уже никому не нужных и не интересных, но продолжающих быть и «валиться в пыли вокруг». При этом аппарат сетевой коммуникации вполне жизнеспособен и подобно госпоже Ефросинии производит странную, но слаженную работу. Суть этой работы можно попытаться понять посредством обращения к одной из наиболее характерных черт сетевой дискурсивности — графическим и орфографическим текстовым альтернативам.

Избыточно фактурные способы подачи сообщений — гротескные как падонковский диалект, с претензией на повышенно эстетский градус как профили блогов отаку² или просто небрежные как строки в чатах социальных сетей — едва ли могут быть объяснимы исходя только из «всеобщего упадка нравов» и «незнания правил школьной орфографии». Станным образом обмен информацией в сфере виртуальной коммуникации осуществляется с акцентом на форму, а не на содержание сообщаемого. По всей видимости, выпуклая форма сетевого языка сегодня является ответом на нужды современного пользователя как потребителя/производителя информации. В постинформационном обществе обмен данными занимает приоритетное место, а значит и способы обмена, уже далеко ушедшие от традиционных языковых практик, при всей своей внешней хаотичности и спонтанности отнюдь не случайны и представляют собой отточенные конкурентные стратегии.

Поясним сразу, что в данном эссе мы будем брать в качестве материала для рассмотрения очень широкую сферу коммуникативных практик, свойственных декларированным зонам легкого ненавязчивого общения. В эту категорию попадают популярные социальные платформы (такие как ВКонтакте, Facebook, Twitter, Twoo, всевозможные Одноклассники и Мои Круги), а также масса форумов и блог-платформ, да и просто чаты микросообществ в многочисленных скайпах-асках.

Интересен тот факт, что площадок, делающих фирменную сетевую легкость общения своим кредо сегодня необъяснимо много, и их число растет. Казалось бы, к чему такое преумножение сущностей? Ведь практически все подобные порталы располагают сходным набором функций, тиражируя одну и ту же идею, предлагая пользователю, по сути, незначительные технические нюансы. Возможно, дело как раз и заключается в этих мелочах, прельщающих пользователя и побуждающих его посетить/сформировать очередное сообщество, пусть даже оно и будет клоном такого же сообщества на другой платформе. Виртуальные комьюнити растут как грибы, и подобно грибной ризоме трансформируют под себя среду, производя специфические медиа-эффекты, в частности проминая ткань языка, адаптируя его для своих целей. Так возникают сложно объяснимые извне словесные кадавры типа рунетовских «кагдила?» или «няшки», или вовсе невербализуемых смайлов-эмодиконов. И дело не столько в том, что они спонтанно появляются (язык — существо живое, ему свойственно

становление), сколько в том, что их невероятно много; так много, что их масса вытесняет «нормальный» язык за границы коммуникативных полей и профилей. Этот процесс, по всей видимости, необратим, и часто говорят даже о его фатальном характере как для самого языка, так и для общества, культуры, человеческой природы, наконец. Однако любые рассуждения о фатуме и фатальных процессах подпорчены инерцией веры в единую линейную Историю и ее Субъекта, который располагает целостностью Судьбы. Чтобы не вдаваться во все тяжкие вопроса о кризисе субъектных структур, можно просто констатировать факт основательных трансформаций языка, и будь они позитивны или нет, мы имеем с ними дело как с ближайшей данностью. Остается лишь поставить вопрос о собственной стратегии в этой непростой ситуации, ведь происходящее медленно, но верно трансформирует нас самих. Попробуем заглянуть по ту сторону милых субъектному взгляду горизонтов письма, речи, автора; прислушаемся к отголоскам этих понятий, которые все еще гуляют по просторам гиперговорливой сети. Таким образом мы попытаемся составить более или менее внятное представление о сетевой коммуникации и том типе сообществ, которому она свойственна.

По ту сторону речи

Очевиден факт, что для большинства агентов коммуникации сфера повседневного общения сегодня чуть ли не полностью переключалась в сетевое пространство. Зачастую люди, находящиеся рядом в одном помещении, обмениваются репликами посредством чатов, погружая в сеть даже малозначительные высказывания, речевой мусор. Причем ситуация такова, что мусор этот уже не отделим от сколько-нибудь стоящей информации и именно эта мешанина делает сетевой тип сообществ таким неправдоподобно живым, а сетевую коммуникацию бурной и ветвящейся. Но повседневная языковая практика, с таким, казалось бы, комфортом расположившаяся в сети, приобрела ряд странных черт: в ней размыты границы между устной речью и письмом, микшированы их свойства, что производит эффект гибридной дискурсивности. Вроде бы on-line разговору свойственны отличительные черты устной речи, такие как обусловленность речевой ситуацией, скорость обмена репликами, избыточность в виде наличия повторов, уточнений и пояснений, а также использование невербальных средств общения, с той только разницей, что жесты и мимика заменяются их визуальными подобиями (смайлами, дэмотиваторами, ссылками на видеофайлы). Экономия речевых усилий в сети достигает своего апогея. Принцип эллипсиса (когда говорящий может не называть и пропускать то, о чем легко догадаться) запускает механизм бесконечного производства подставных знаков, обозначающих некий, пусть даже неопределенный, смысл. Так, кстати, и создается благоприятная среда для роста всевозможных коммуникативных протоколов, типа мемов, смайлов, странных визуальных конструкций слов с задействованием разных регистров текста и вспомогательных символов³. Симптоматичным также представляется

³ В качестве примера здесь можно привести луркморовский НоВый-ПриКольныйСпОсОбГоворить =))))), или Ня ^-^, или всем знакомый :). Но по большому счету в данном примечании в условиях

² Отаку — самоназвание поклонников аниме.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

отсутствие стадии черновика у сообщений в чатах, которому сопутствует крайняя небрежность текста: и в отношении построения фразы, и в отношении передачи смысла, и в отношении правил орфографии и пунктуации, они теперь отнюдь не являются системообразующим фактором, и выглядят не просто необязательными, но даже неуместными. И все же при этом устная по своей форме речь упакована в письменные знаки посредством практик набора или письма на сенсорном экране. В результате сетевая речь утрачивает одну из важнейших характеристик устной речи — необратимость⁴. И реплики в чатах, которые невозможно (да и не нужно) редактировать, и сообщения в форумах, которые пользователь может править — все они, тем не менее, остаются в качестве следа, последовательно перетекающего в архив, к которому можно вернуться в любое время.

Одним словом, письменная речь используется так, как если бы она была устной. Но при этом перед нами речь, которая *не звучит*. Мощь, скрытая в этом парадоксе, способна, казалось бы, на невероятные разрушения (о которых, собственно, и пишут пессимистически настроенные исследователи сетевого новояза), однако налицо завидная стабильность и даже управляемость происходящих процессов. Говоря метафорически, перед нами что-то вроде реакции ядерного распада, когда смерть вещества (в нашем случае речи/письма) представляется как процесс, который в случае «правильного использования» сопровождается гигантским выбросом энергии. Стабильность этого процесса, так сказать «мирный атом» коммуникации, обеспечивает сама структура сети во всей специфике ее интерактивности, подобно ядерному реактору превращая смертоносную мощь в потоки конвертируемой энергии, которая щедро подпитывает и пользователей, и техническое обеспечение, и черт знает чего еще. Прогноз ядерного распада, предоставленного самому себе, как известно, однозначен — в конце реакции нас ждет скучный инертный кружочек под названием *plumbum*. Продолжая эту метафору, можно задать вопрос о перспективе запущенной цепи трансформаций вещества речи/письма — следует ли быть готовым к выпадению инертного осадка? Едва ли; ведь нужно признать, что сетевая машина, будучи гипероткрытой системой, предполагает постоянное возобновление ресурса, который в связи с отсутствием локализации по сути неисчерпаем. Единственное, что грозит — растущие вместе с потоками энергии горы «радиоактивных отходов», отравляющих модульную ныне экологию восприятия.

В результате вполне можно сказать, что сетевая речь, со всей ее неудобопроизносимостью, тем не менее, отчетливо «фонит». Этот фон, напоминающий бартовский «гул языка», пронизывает всю сеть, создавая вибрации, которые сообщают

живость сообществам. Действительно, наиболее популярны именно те виртуальные тусовки, где существует своя система заговорщицкого перемигивания между участниками коммуникации, свой сленг, пусть даже искаженный до неузнаваемости бесконечными трансферами из рук в руки. Характерный гул языка отaku, например, привлекает издали родственные души пользователей, способных настроиться на эту волну и влиться (вливать свой ресурс) тем самым в общий котел реактора. И как писал Барт:

«...исправность машины дает о себе знать особой музыкой — гулом. Гул — это шум исправной работы. (...) Оттого машины, производящие гул, приносят блаженство. (...) в гуле звучит телесная общность; в шуме «работающего» удовольствия ничей голос не возвышается, не становится ведущим и не выделяется особо, ничей голос не может даже возникнуть; гул — это не что иное, как шум наслаждающегося множества (но отнюдь не массы — масса, напротив, единогласна и громогласна)⁵.

Правда, сразу следует отметить, что отношение Барта к его концепту было несколько романтическим, и «гул языка» был окутан дымкой утопии⁶. Барт по своей постструктуралистской наивности еще верил в брезжащий смысл, эротическое тело и чистую пелену наслаждения от текста. Сегодня, когда эта утопия реализовалась на бесконечных просторах виртуальных территорий, стало заметно, насколько иначе на деле оказались расставлены акценты. Там, где Барт с трепетом ожидал «раскрепощения языка» и превращения его в «беспредельную звуковую ткань», мы наблюдаем процесс, который даже вне пристрастной эмоциональной оценки можно описать как упомянутый выше распад. Уж точно никто не узрит в нем «фоническое, метрическое, мелодическое великолепие». Скорее все эти «ololo-трололо» сами по себе похожи на наполнитель для кошачьих туалетов — они как гранулы призваны впитывать и нести в себе излучение человеческой коммуникации. Пожалуй, их задача — на свой лад компенсировать невозможность переноса в пространство сетевой речи той шероховатости, плотности и непрозрачности, которая привносится в непосредственное общение телесностью присутствия.

По ту сторону письма

Хотя уже из предыдущего пассажа отчетливо видно, что сетевое общение не является письмом как таковым, все же имеет смысл пристальнее посмотреть на трансформации практик письма в сети.

Если раньше право на элитарную деятельность письма нужно еще было заслужить, доказав свою состоятельность в качестве автора, продемонстрировав способность удержи-

книжного текста типичная для сети визуальная игра с устройством слов и фраз невоспроизводима в полной мере, так как требует именно интерактивной среды.

⁴ «Устная речь необратима — такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, не приращивая к нему нового; «поправить» странным образом значит здесь «прибавить». В своей речи я ничего не могу стереть, зачеркнуть, отменить — я могу только сказать «отменяю, зачеркиваю, исправляю», то есть продолжать говорить дальше». Барт Р. Гул языка // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 541.

⁵ Барт Р. Гул языка // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. — С. 541.

⁶ «Гул языка — это его утопия. Что за утопия? — Утопия музыки смысла; это значит, что в своем утопическом состоянии язык раскрепощается, я бы даже сказал, изменяет своей природе вплоть до превращения в беспредельную звуковую ткань, где теряет реальность его семантический механизм; здесь во всем великолепии разворачивается означаемое — фоническое, метрическое, мелодическое, и ни единый знак не может, обособившись, вернуть к природе эту чистую пелену наслаждения». Барт Р. Гул языка // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 542.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

вать с помощью письменных знаков некие идеи и смыслы, то сегодня доступ к написанию сетевого текста приобретает легко и просто любым желающим посредством процедуры регистрации. С некоторыми издержками в сеть смогли перекочевать даже практики аскезы, свойственные письму: обмен и количеству сообщений уделяется невероятно много личного времени, порой даже в ущерб себе и своим естественным потребностям. Сохранилась некоторая тщательность в исполнении текста, как например, в случае набора в разных регистрах и с использованием неалфавитных символов⁷. При этом квазикаллиграфические неакзерсисы редко когда превышают по длине пару-тройку строк — текст утрачивает свою привычную длительность, и, существуя в целом как поток, на деле состоит из отдельных коротких отрезков. Эта дискретность задает ритм существования сетевых сообществ, узнаваемую частоту, настроившись на которую пользователь научается, образно говоря, «гнать волну» флуда. Созданный пользователем аккаунт открывает, по сути, бесконечный путь on-line письма, где между самим письмом и публикацией (публичным предъявлением текста) нет никакого зазора. Кредо социальных платформ и подобных web-явлений красноречиво говорит о том, что важно само производство потоков общения, читай: обмен знаками. Содержание посланий — дело второе, если не сказать, десятое. Как уже отмечалось выше, акцент сегодня ставится на форму *сблжа8*, и потому наблюдается бурный процесс формирования графических и орфографических альтернатив текста⁹. Такое экспериментирование с формой сообщений сложно назвать творчеством и отнести к сфере высокого искусства; скорее здесь было бы уместно воспользоваться термином орфо-арт¹⁰. На первый взгляд в практике орфо-арта можно увидеть сходство с некоторыми экспериментами визуальной поэзии. И в том, и в другом случае перед нами слова и тексты, на которые можно только смотреть¹¹. И в том, и в другом случае письмо отделилось от речи и обрело самостоятельность, к чему некогда и призывал Деррида. Правда, для визуальной поэзии эксперимент по освобождению письма от тирании голоса

был новаторским шагом, а на момент расцвета сетевой коммуникации это освобождение уже состоялось и даже было забыто. Эрративы типа «превед» или «аффтар» в отличие от *différance* существуют сегодня как наивная практика письма, в них уже нет интеллектуального манифеста и рассчитаны они отнюдь не на эффект проблематизации. Скорее жажда развлечения и принцип пользовательской вседозволенности (подобно тому, как в гипермаркетах детям дозволяется играть с товарами и переставлять их по своему усмотрению) превращают все элементы виртуальной коммуникации в подобие гигантского конструктора, где простое рекомбинирование воспринимается как творчество и тем самым создается поле и повод для очередного канала коммуникации. Можно отметить еще одно радикальное отличие: хотя визуальная поэзия, как и орфо-арт, рвет ткань слова и текста своей графической составляющей, но при этом она представляет собой целостное авторское послание, встроенное в рамку, существующее на правах произведения и предполагающее отношение к себе. Орфо-арт, напротив, принципиально лишен рамочной конструкции, так как расположен в русле информационных потоков и предполагает легкость — легкость конвертирования, легкость обмена, легкость восприятия. И как результат, непосредственность отклика, связанную с общей интерактивностью среды. Причем эта интеракция, в отличие от интеракции современного искусства, происходит автоматически и не создает напряженного поля; не напрягает, а наоборот расслабляет. Если, говоря образно, на визуальной поэзии взгляд спотыкается, то орфо-арт развлекает и увлекает за собой внимание пользователя, помогая влиться в потоки коммуникации. Жизнеспособность орфо-арта как коммуникативной стратегии подтверждается тем, что пользовательское экспериментирование с формой слов и сообщений давно перешагнуло границы отдельных сообществ, да, пожалуй, и границы самой сети. Так, например, фрагменты «падонковского» диалекта используются повсеместно, превратившись в своего рода лингвистический шик, модные словечки, чей исходный нонконформизм сегодня обозначает всего лишь широкий спектр либеральных настроений, грубо говоря, настроенность на «пазитифф»¹².

Возвращаясь к а-фонетическому эффекту, отметим, что невоспроизводимость вслух эрративных конструкций текста весьма условна: все-таки фразу типа «аффтар, убей себя ап стену» можно озвучить и ее значение будет понятно, хоть и частично утратит эмоциональную яркость. Но on-line речь помимо эрративов так густо снабжается гиперссылками, картинками, эмоджиками и прочими дополнительными элементами, что значительное число сообщений совершенно лишено фонетического эквивалента. Как показывает практика, текст, уже и без того переставший быть линейным, имеет тенденцию восприниматься в качестве гештальта. Его смотрят весь сразу, и такому способу считывания (а не чтения) способствуют графические метки, такие как упомянутые выше смайлики. Чтобы

⁷ Вот некоторые примеры:

ЯрУсСкАя, чеLOVEк, ♂βлюБЛЁηη@Я_√_МечТÿ♀, ≡kN© Pо4k@☞,
X P@@人@mEnT, ВuШнЕvоЕHаcтP☼Ениe, ☆k@aSiV@
ЯЯkAkZZ✓eZd@☆.

⁸ Сблж (от англ. subject, тема) — сленговое слово, обозначающее высказывание или тему разговора.

⁹ Сюда относятся использование разных регистров, эрративы, картинки, ссылки, мемы, необычные, но мотивированные стилистическим контекстом написания (начертания) слов (разные шрифтовые выделения, разрядка, дефисация, введение в основной текст инородных знаков и другие графико-орфографические альтернативы), а также фигурное расположение текста в пространстве страницы.

¹⁰ О термине «орфо-арт» пишет Н. Г. Шаповалова. См.: Шаповалова Н. Г. ОРФО-арт как пример карнавалового общения в виртуальной реальности <http://ec-dejavu.net/o/Orfo-art.html> (дата обращения 12 августа 2012).

¹¹ Вот примеры невоспроизводимости вслух текстовых конструкций, таких как >(//)< («конфета» или «хлопушка», обозначает одобрительное, игривое настроение высказывания, или сюрприз) или ~?)*°•.♥.•°** (имя пользователя). Или вот такая реплика пользователя ЛЕВ-КОРОЛЬ: «ага, я прямо и не знаю, кто из них (заратустра-будрайтис или Тьягу нуни навсегда!УРА!) больший и**** и к****. Зато по 5 букв оба хДДД)))» < <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/zhaglagdonks/98267.html?join=1> > (дата обращения 1 августа 2012).

¹² Интересно, что легкомысленные формы слов используются даже в таких серьезных сферах как регистрация фирм. Например, ООО «Пазитифф» (Ставропольский край » г. Минеральные Воды, производство напитков), ООО «Креатифф» (г. Чебоксары, Президентский бульвар, 31, рекламное агентство).

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

понять это, имеет смысл пристальнее взглянуть на функции смайлика в ткани виртуальной коммуникации.

Смайлик — это, по сути, пиктограмма, благодаря которой общий смысл высказывания становится понятным еще до того, как будут прочитаны слова. С одной стороны, смайлики в качестве новых знаков препинания включаются в тенденцию усложнения письменной речи, продолжая ряд интонационных знаков, таких как восклицательный и вопросительный знаки. С другой стороны, смайлики предлагают новую тенденцию — впервые в публичной письменной речи мы сталкиваемся непосредственно с «гласом народа». Речь народных низов, так ловко ускользавшая ранее от высокой культуры, с падением различия между высоким и низким отстояла право на самоизъявление. Благодаря чатам и форумам выяснилось, что рядовой потребитель предпочитает пафосные знаки-жесты, а не знаки, отсылающие к сложным, требующим интерпретации смысла. Смайллик в этом отношении похож на конфигурацию трех пальцев, которую можно быстро и с исчерпывающей конкретностью показать собеседнику в ситуации невозможности продемонстрировать сам телесный жест. Характер сетевых взаимодействий вполне соответствует уменьшительной форме слова «смайлик» (англ. emoticon), подчеркивающей малоразмерность, игрушечность, легкость этой улыбки. Невозможно представить себе дидактический или трагический смайлик, а возвышенные чувства укладываются в иконографию смайликов только утрированными, комичными.

Смайлик представляет собой эмоциональность, переданную в формате цифрового кода. Переведение эмоций в код делает их исчисляемыми, причем интенсивность передается через простое умножение — :))))). Смайллик несет на себе характерный отпечаток эпохи потребления, сферы услуг — он удобен в использовании¹³. Однако эргономичность и экономия времени для общения — не более чем ширма; на самом деле трата времени возрастает стократно благодаря привлекательности обширных наборов смайликов. И вот пользователь впадает, так сказать, в знаковое крохоборство, обильно осыпая смайликами ничего особо не значащие предложения. Такой десубстантивированный текст, полностью погруженный в ситуативность и по сути лишенный структуры подлежащее-сказуемое, способен удерживать и транслировать оптимальное для медиа-коммуникации соотношение объема информации в единицу времени. Причем использование служебных символов позволяет аккуратно обходить стороной острые углы диалога: даже резкий и желчный выпад, снабженный смайликом, не будет воспринят как прямое оскорбление.

Ситуативная речь не терпит субстантивации мейнстрима, и это правило касается и речевых, и письменных норм. Причем попытки уличить сетевое словесное сумасбродство во внутренней идеологичности несостоятельны хотя бы потому, что для наличия идеологии необходима практика «духовного производства» с ее ответственным высказыванием, склонностью к радикальному суждению и пафосом идеи. Сеть же существует как поле потребления и потому по отношению к on-line тек-

стопроизводству можно сказать, что перед нами *потребление* письма. Парадокс в том, что его никто специально не производит, но все потребляют его как развлекательную деятельность. On-line письмо воспринимается самим пользователем не как трата времени, а как заполнение досуга. Существующие не в регистре работы, а в регистре развлечения, потоки обмена знаками разворачиваются на фоне скуки, приобретая невероятную легкость и невесомость. Если в логике структурализма и постструктурализма письмо было нагружено эротизмом, телесностью, желанием, временем, растратой, смертью и прочими возвышенными чаяниями, то в on-line письме все эти громкие смыслы истончаются, виртуализируются, и в конце концов все утрачивается за ненадобностью.

По ту сторону автора

Летучесть смыслов, окружающая авторство в сети, несомненно связана с наследием постклассической эпохи, заветавшей славное имя автора вместе с претензиями, тяжбами и долгами «покойного» ничего не подозревавшему и беспечному пользователю. Однако сфера сетевой коммуникации и здесь находит выход, создавая очередную гибридную и опять же весьма жизнеспособную форму — виртуала. Виртуал возникает как некая новая величина в современном мире коммуникации.

Смерть автора в сети уже давно состоялась, и образно говоря, стоптана вся обувь, в которой шли за гробом. Трон автора пустует в забвении, его функции поделили меж собой авторитеты. Действительно, в гипертекстовом пространстве сквозных цитат и ссылок высказывание не может быть *авторским*, оно может быть в лучшем случае *авторитетным*. Таким, к которому прислушиваются, каким интересуются, каковое цитируют, пересказывают и превращают в сплетню. И здесь происходит характерное смещение акцента, превращающее имя автора в бренд, торговую марку, за продукцию с логотипом которой платятся значительные суммы. Так пост известных сетевых деятелей покупается за сотни тысяч, хотя все понимают, что производство подобных текстов зачастую требует корпоративных усилий, и узнаваемое имя-бренд репрезентирует работу не гения-одиночки, но целой корпорации. Так, к стати, формируется уютная ниша новой социальной группы — когнитариата, безымянных пролетариев умственного труда информационной эпохи. К тому же намечается радикальная метаморфоза: потребитель, причем массовый, вдруг сам в массовом же масштабе приобщился к элитарной некогда практике создания текста. В сети пользователи сами производят знания, помещают в сеть, продают их через on-line магазины, различные каталоги или свои странички, демонстрируют, призывают, просто делятся — всех направлений такого рода активности просто не счесть. Чего стоит один только фан-фик! И пользователь в данном случае превращается в модное ныне многофункциональное устройство, умудряясь читать, писать и общаться одновременно. И что особенно замечательно, к этому персонажу вполне подходит большинство характеристик, вмененных Бартом читателю и скриптору¹⁴ разве только с той разницей,

¹³ История развития смайлов об этом прямо кричит: знак смайлика эволюционировал от комбинации типографских символов до красивой анимированной картинке, которая вставляется в высказывание одним кликом мыши.

¹⁴ Барт Р. Смерть автора. // Барт Ролан. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 387–391.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

что «необъятный словарь» сего скриптора — это по преимуществу словарь «олбанский». Но шутки шутками, а именно свободная пользовательская активность создает львиную долю контента, а стало быть, и напрямую участвует в производстве сверхприбылей, получаемых не пользователями, а компаниями¹⁵. Симптоматично, кстати, что вопрос об авторских правах в сети сегодня ставится самым острым образом и не знает разрешения. Отчасти из-за того, что пользователь более не желает потреблять текст, не вмешиваясь в него (имеется в виду феномен фан-арта). Отчасти из-за того, что в случае с пользовательским сетевым производством текстов копирайт бессмысленен как минимум по причине отсутствия имени автора как функции текста, той самой функции, о которой пишет Фуко¹⁶. Производство текста, состоящее в бесконечной переключке ссылок, цитат и реплик — это принципиально коллективное творчество, продукты которого не существуют в виде завершённых артефактов (характерный пример — Википедия или Лукоморье¹⁷) и уже поэтому не являются в собственном смысле произведениями. Субъект этой креативности — пресловутый Аноним, то есть кто угодно, любой. И пользователи хотят читать именно этого любого. Вот уж, действительно, «какая разница, кто говорит: “какая разница, кто говорит”». То, что значительная масса контента представляет собой обмен мнениями, не должно вводить в заблуждение, в том смысле, что за этими мнениями, как правило, не стоит никакая продуманная позиция. На одной из страничек, посвящённых правилам сетевого этикета, провозглашается: «Помни, все, что ты напишешь, в сети уже есть!» Так что ценно в данном случае не новаторство (в стиле «такого еще не было») и не оригинальность («так могут только я»), а просто возможность произвести информационный повод.

Парадоксальным образом, сетевыми наследниками почившего Автора одновременно являются две фигуры: Авторитет и Аноним. Но противоречие между ними только кажущееся, на самом деле они прекрасно дополняют друг друга, хотя бы в том

смысле, что как говорилось выше, под брендом авторитета часто работают безымянные когнитарики. И еще более существенно то, что и сетевой авторитет, и аноним оба представляют собой модификации субъекта, скажем так, контент-производителя. То, что текст создается и воспринимается именно в качестве контента, накладывает на него определенный отпечаток, риском предположить, фатальный для функции автора. Для контента важно наполнение, информационная емкость, а не — воспользуемся термином Ницше — перспектива оценки, связанная с авторской позицией. Вообще вычленять перспективы оценки в сетевом пространстве гипертекста — значит только все неминуемо запутывать. От того-то и принцип «копиаста», когда разнородные текстовые куски склеиваются по тематическому принципу без учета прочих различий не вызывает в пользовательском сознании радикального неприятия. Именно этот принцип задействован в оформлении пользовательских страничек в сети, и в более мелком масштабе, в оформлении каждого сообщения¹⁸.

Типичная страничка блоггера выглядит как пестрое полотно из картинок, обрывков текста и гиперссылок; это полотно дискретно, и создаваемый им образ обладает таким же качеством. Целостность образа достигается за счет особого инструмента, присутствующего в каждой блог-платформе, и очень справедливо называемого профиль пользователя. В него заносятся анкетные сведения, точно характеризующие каждого конкретного пользователя, и создающие таким образом уникальный многомерный рельеф, напоминающий биометрические данные человека. Подчеркнем, что в отличие от строго исчисляемых данных дактилоскопии, рисунка сетчатки глаза или профиля человеческого лица профиль пользователя, будучи, собственно, ячеейкой потока данных, претендует на нечто большее, не количественное, например, на включение эмоциональной или духовной составляющей в формирование виртуального образа. Эта претензия обслуживается, например, такой категорией профиля как *статус*, где пишется короткая фраза, выражающая масштабные воззрения («Бог — это Любовь») или сиюминутное настроение (Ня/\-/\ ). Свести статус к девизу или кредо невозможно — суть статуса (равно как всего виртуального профиля) в потенциальной изменчивости. Помимо статуса эмоциональную компоненту включают дополнительные средства формирования профиля, такие как «музыка в наушниках», «сейчас играет», «цитата дня» и тому подобное. Все это призвано уловить мельчайшие нюансы и оттенки существования виртуала для придания ему максимальной подлинности, раскрывающейся в деталях и шероховатостях, весьма напоминающих «особые приметы» разыскиваемого субъекта. Профиль пользователя и, шире, сам блог в пределе представляют собой отпечаток, или даже скорее теплое место, только что оставленное кем-то, где еще звучит включенная этим кем-то музыка и лежит открытая книжка, словно приглашая занять покинутое место и примерить на себя чей-то мир.

¹⁵ Проблемы, связанные с участием потребителей в культурном производстве, подробно рассматриваются в книге Н. Л. Соколовой Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009.

¹⁶ «Наконец, имя автора функционирует, чтобы характеризовать определенный способ бытия дискурса: для дискурса тот факт, что он имеет имя автора, тот факт, что можно сказать: “Это было написано таким-то”, или: “Такой-то является автором этого”, означает, что этот дискурс — не обыденная безразличная речь, не речь, которая уходит, плывет и проходит, не речь, немедленно потребляемая, но что тут говорится о речи, которая должна приниматься вполне определенным образом и должна получать в данной культуре определенный статус». Фуко, Мишель. Что такое автор? // Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М., Касталь, 1996, стр. 20.

¹⁷ Луркоморье (Лукоморье, Луркмоар, Лурк, Лурка, от англ. жарг. lurkmoar; lurk значит «таиться», в интернет-контексте — читать форумы или другой контент, создаваемый пользователями, не участвуя в его создании (например, не создавая постов), moar — искаженное more) — неформальная энциклопедия на движке MediaWiki, позиционирующая себя как «энциклопедию мемов, фольклора и Всего Остального».

Кроме того, *lurkmoar* созвучно *look more* — «смотри больше», «ищи ещё» — призыв «ещё поискать», разобраться самому, а не задавать дурацкие вопросы. (Прим. ред. — см. [здесь](#)).

¹⁸ Как правило, сообщение в форуме обрамлено дополнительными полями, где располагаются лозунги, цитаты, активные ссылки на другие сайты, а также всевозможные интернет-аксессуары (линеечки, ползунки, анимированные картинки и прочее). То же касается и оформления странички в блоге. В итоге блог не читают, его смотрят.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

Как маска, повернутая обратной стороной, завораживает соблазном взглянуть на мир из прорезей ее глаз, так и сетевые профили, по большому счету, интересны именно этим внерассудочным погружением в изнанку чужого бытия. Все прочие экспликации на тему содержания блогов вторичны — спортивные блоги и блоги политиков, литературные или кулинарные, по своему содержанию вполне могут быть сведены к колонке в газете и специфику им сообщает только интрига стоящей за содержанием приватной жизни. Попробуем спросить: «Чей?»

Вообще, виртуал как часть речи исходно прилагательное, хотя в русском языке этого и не видно. Возникает законный вопрос: к чему он должен прилагаться? Вопрос *чей виртуал?* — это приманка, сдобренная изрядной долей праздного любопытства, желанием заглянуть по ту сторону понравившейся сетевой персоны. Спровоцированная этим наивная интенция пользователей соцсетей, жаждущих встречи в «реале», в большинстве случаев не оправдывает ожиданий, так как сетевой фильтр не пропускает многое из того, что определяет идентичность. Транслируемый через сеть образ индивидуальности претерпевает причудливую кодировку, теряя свое «Я», растворяя его в потоках речи, сводя личность к личному местоимению, от имени которого осуществляется высказывание. Эта игра местоимений как бы размечает территорию для возможного присутствия. Хочется спросить: «Где?» Но этот вопрос теперь не более чем триггер, запускающий, образно говоря, главный демо-ролик виртуального, его визитную карточку: «Нигде и везде одновременно».

По ту сторону смысла

Как мы видим, сетевая коммуникация использует и трансформирует под свои нужды структуры, сформировавшиеся еще в досетевую эпоху. Но при этом сеть способна производить свои собственные коммуникативные стратегии. К наиболее типичным феноменам такого рода относятся пресловутые интернет-мемы.

Симптоматично, что при попытке определить интернет-мем мы сталкиваемся с некоторой несостоятельностью дефиниции — интернет-мем одновременно является и единицей информации, и процессом ее распространения, но при этом благополучно обходится без определенной сущности. Так что здесь классический вопрос «что это такое?» скорее всего, останется без внятного ответа и, пожалуй, уместнее спрашивать «как это работает?» и «что производит?».

В интернет-мем могут превратиться осколки любой бессмысленной информации и облететь всю сеть на волне гиперпопулярности, формируя на своем пути новые коммуникативные объединения. Пока коммуникация строится вокруг мема — он и есть центр смысла, каким бы бессмысленным он исходно ни был¹⁹. Так можно объяснить парадоксальные с точки зрения привычной логики случаи живучести интернет-мемов, несмотря на их полную абсурдность. В качестве примера можно упомянуть мем *абоке*, родившийся как простая опечатка

¹⁹ Мем в этом отношении ведет себя подобно нонсенсу из «Логике смысла» Ж. Делеза — сам он является пустой точкой, лишенной осмысленного референта, но именно поэтому его постоянное смещение создает пересекающиеся и расходящиеся серии значений.

слов «в атаке» участницы одного футбольного сообщества. Этот мем мгновенно распространился по блогам и форумам, причем четкое значение так не сформировалось. Но слово уже широко использовалось в качестве неопределенного возгласа одобрительного характера, замены словам «Привет!» и «Пока!», а также в значении чего-то неясного, бесформенного, но позитивного. Невербальные мемы (картинки, ролики, совокупности знаков) своим немым существованием в буквальном смысле проминают под собой виртуальное пространство, формируя окружающий ландшафт сетевой коммуникации. Множественность мемов связана напрямую с их элементарным характером, так сказать, атомарностью: как настаивал Демокрит, неразложимых далее элементов должно быть бесконечно много. Однако этот тип бесчисленности весьма — бесконечные воспроизведения фотомема О RLY²⁰? обращены к единственному исходному файлу с изображением совы, то есть парадоксальным образом, тиражирование здесь не то чтобы увеличивает количественно прототип, но скорее, разворачивает его в серию. Это характерное свойство виртуального вообще: поверхность (образная, звуковая или языковая) равна самому предмету и плотность предмета перекочевывает в окружающие его волны интереса и внимания.

«Как возможно создание интернет-мема?» — вопрос, пожалуй, такой же безнадежный, как и вопрос о том, что это такое, поскольку, будучи флуктуацией сети, мем *возникает*, но не *создается*. Конечно, прото-мемы, то есть исходные аудиальные или визуальные сегменты интернета — высказывания, картинки или звук, которые впоследствии будут «причислены к лику», исходно кто-то создает, но мем как процесс запускается спонтанно и по большому счету непредсказуемо. Поэтому быть автором мема нельзя, даже если есть автор у исходного материала. Так произошло с акварельным рисунком «Bear Surprise» американского актера, композитора и художника Джона Лури; изображение отделилось от исходного замысла и обрело вторую жизнь, превратившись в самоорганизующийся и постоянно эволюционирующий информационный повод²¹. Процесс целенаправленного создания мема неким субъектом в принципе возможен (в сети возможно все), но как правило трудоемок, да еще и не обладает гарантированным результатом²². Мощь, заключенная в процессе распространения мема-

²⁰ В 2003 году вокруг специфического изображения совы и реплики «О RLY?» (эрратив от англ. oh, really? — «правда, что ли?») состоялся взрыв пользовательской креативности, превративший малоприметное изображение чуть ли не в культурный код.

²¹ На рисунке медведь застает на поляне парочку любовников, и, подняв лапы вверх, говорит им «Surprise!» В 2006 году эта картина запустила в Рунете цепь взаимодействий, длящуюся до сих пор и породившую новые эрративные штампы, прежде всего, знаменитый мем «Превед Медвед!», но также и «Кросавчег», «Кагдила?», «Учаснег». Картинка не только была перекодирована в целый ряд смайликов, таких как «Y», изображающий характерный жест медведя, или «Гг ^ Y», обозначающий одновременно медведя и пару любовников, но также наполнилась политическим подтекстом, начиная от всевозможных аллюзий на Д. Медведева и «Единую Россию» до спекуляций на тему русской идеи («русскость» медведя, выходящего с востока на встречу загнывающему западу, представленному в виде беззаботной парочки).

²² В качестве примера можно привести всем известное изображение пляшущего человечка, «упячки», который сегодня в результате широкого распространения в сети используется просто для оформле-

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

тической информации, представляется завидным капиталовложением, однако оседлать волну мема не так-то просто, хоть и все равно проще, чем создать ее. Субъект с его стратегиями скорее мешает вирулентности, навязывая свои привычки бессубъектному процессу. Так что, образно говоря, попытки одомашнивания диких мемов при помощи навязывания им однозначного меседжа в разы снижают их исходную эффективность и выглядят как правило нелепо, не имея настоящей популярности в сети.

Вирулентность роста, пожалуй, является самой расхожей характеристикой интернет-мема, и неслучайно синонимом последнего выступает понятие «медиавирус». Вирусология действительно может многое сказать о поведении мемов, но можно провести и другую аналогию, уподобив мемы грибным спорам. Действительно, инертный и сам по себе едва ли что-то значащий одноклеточный густок информации, попадая в благоприятную среду виртуального общения, способен стремительно разрастись в плодовитую медиаризому. Можно сказать, что мемы — это споры смыслов или, точнее, споры коммуникативных поводов, которые могут укорениться и прорасти летучими сетевыми смыслами, столь далеко ушедшими от дискурсивной парадигмы логоса. Конечно, сетевым смыслом по-прежнему присущи самовозрастание и способность самосборки²³, но радикально проседает парадигмальная для логоса связка с Умом и Единым-Благом. Правда, при отсутствии онтологической устойчивости и усийной благообразности мем способен производить прямо-таки космичный эффект. Так, например, из уже упомянутого «Surprise!» вдруг был извлечен целый мир евразийских подтекстов, которые как бы ждали своего часа в ничего не подозревающем «превед-медведе». Смыслы прорастают случайным образом на созданном мемом коммуникационном поле, но они не фиксируются, и это является отличительной чертой мема как эволюционирующей единицы информации. Можно сказать, что неуловимый смысл пробегает как электрический разряд коммуникации при трансфере мема от одного сетевого узла к другому. Легкие уколы этих разрядов бодрят необъятные тела сетевых сообществ, напоминая им о самочувствии, позволяя наступать границы общности.

Популярность мемов как формы информационного обмена связана с тем, что мем создает минимально нагруженный коммуникативный повод, необременяющее послание, которое один участник сообщества с легкостью может отправить другому, а точнее, многим другим, сполна тем самым осуществив свой коммуникативный долг по поддержанию контактов. Такая возможность необычайно востребована, учитывая то невероятное количество связей с сотнями друзей, которое коммуникант обязан поддерживать, причем на полноценный обмен развернутыми репликами со всеми по определению не может хватить физического времени. А так — все в порядке, акт ком-

муникации состоялся, и притом явно окрашен в позитивные тона, ведь мем как правило носит игривый и прикольный характер. Его внутренняя смысловая неопределенность тоже на руку коммуникантам — на неопределенность можно ответить с исчерпывающей неопределенностью, отправив в ответ какой-нибудь иной мем, или смайлик, или образчик орфо-арта типа Ня/\-/\!

По ту сторону серьезности

Легкость навязчиво преследует нас в сфере сетевой коммуникации, легким должно быть все: навигация, регистрация, система комментариев, создание групп и обмен информацией между пользователями. Минимизация затраченного времени и усилий, будучи подана под соусом чуть ли не заботы о нашей суверенности, на деле, как известно, является перенесенным в виртуальную среду принципом супермаркета. Легкость принципиальна для виртуального, это специфическая доля безответственности, оторванности от стандартных грузов и привязок; инъекция опьяняющей легкости творения, которая так манит субъекта. Парадоксальным, хотя на самом деле характерным для европейского субъекта образом, эта легкость достигается именно за счет чрезвычайного технического усложнения: целые культурные конгломераты обеспечивают виртуальному его фирменную легкость. В результате пользователю легко быть пользователем. Кстати, *пользователь* в качестве одной из новых форм субъектности продолжает уже знакомый ряд производства субъекта от функции: зритель, читатель, потребитель. Специфика *пользователя*, если оттолкнуться от этимологии²⁴, в том, что операции, которые он производит, должны быть максимально облегчены и ускорены. Фигура пользователя двусмысленна: с одной стороны, она ориентирована на предельную экономию времени и средств, с другой стороны, за сосредоточенной деловитостью скрывается огромная машина, работающая только для того, чтобы легонько пощекотать центр удовольствия. Потому в сетевой коммуникации приветствуется эмоциональная поверхностность и однозначность — так называемый «позитивный проводимостью», который работает как среда с повышенной проводимостью. Здесь востребована следующая максима: «Не грузи ближнего своего! Будь легок в общении!» Этот принцип действует на форумах и чатах — нельзя быть слишком серьезным, пафосным и даже просто основательным в своих репликах. Надо уважать то обстоятельство, что у потенциальных участников коммуникации всегда нет времени на то, чтобы погружаться в персональные потемки твоей души и следовать за хитросплетениями твоей мысли. Если позволять себе такие выходы в общении регулярно, быстренько получишь стигму типа «баян» или «троль» и будешь подвергнут «остракизму». Здесь требуется умение вести разговор всегда в пол-уха, быть, так сказать, всегда в пол-присутствия. Такой вот удар наносит

ния пользовательских профилей и страничек. Упачка — исходно интернет-мем, появившийся в результате попытки искусственного создания медиавируса. Авторство мема приписывается участнику проекта «Лепрозорий» под ником xhost. Этот мем в 2007–2008 годах сформировал довольно мощное движение, сначала субкультурное, затем контркультурное. Однако на сегодняшний день можно наблюдать процесс его вырождения и окультуривания.

²³ Имеется в виду общность слова «логос» с глаголом λέγειν, «собирать».

²⁴ Ключевое слово *польза* образовано от старорусского *польза*, состоящего из частицы *po-* и корня *ьга*, значащего *легкий, легко*. Этот корень звучит также в словах *льгота, нельзя* (как отрицание *легкого*). Интересно, что в английском языке слово *user* означает как пользователя, так и потребителя, причем с оттенком дилетантизма — *юзер* использует готовые продукты, ничего особо не создавая. Не менее любопытно и то, что в рамках сленга *user* — это также еще и наркоман.

сеть по целостности хайдеггеровского Dasein. С другой стороны, это никогда-не-здесь-бытие можно уже перестать обвинять в выветривании подлинности, поскольку оно — просто маркер виртуального существования. Делез, например, через различие виртуального и потенциального демонстрирует смену (а не утрату) онтологии. Классическая метафизика в лице Лейбница полагала, что возможностей может быть много, но актуализируется, опираясь при этом на достаточные основания, всего одна, вытеснив тем самым все остальные на обочину существования. Виртуальное же не возможно, а уже вполне реально, просто его реальность такова, что допускает рядом с собой на тех же правах подлинности и другие реальности.²⁵ В этом смысле легкость онтологически «вшита» в виртуальное, поскольку представляет собой не что иное как необремененность достаточными основаниями. Для Делеза, как известно, этот онтологический плюрализм мыслился как высвобождение креативной энергии, требуя при этом от расщепленного субъекта колоссальной самоотдачи, если не сказать, самопожертвования. Но применяя этот проект к интернет-пространству мы видим, что все не столь радужно. Легкость общения оказалась чересчур соблазнительной, в поддержке существования тысячей поверхностных связей шизотенденция, конечно, налицо, но тому бреду, который наводняет сеть, весьма далеко до изобретательности бреда судьбы Шребера, этого лирического героя «Капитализма и шизофрении». Иными словами, распад субъекта происходит, но он высвобождает отнюдь не только и не столько ту высокоинтеллектуальную энергию, которая грезились авторам Анти-Эдипа.

Симтоматично, что сетевая легкость общения и дистантность по отношению к любым коммуникативным поводам гарантируется наличием у пользователя специфической способности восприятия, скажем так, встроенного фильтра веселости. Этот фильтр накладывает ограничения на получаемые сведения и в итоге способен трансформировать все что угодно в некий субстрат, носящий легкомысленно-развлекательный характер. Смех, укладываемый в пропускную способность информационных потоков, трансформируется в особую форму комического — прикол. Прикол деструктивен, или, точнее, деконструктивен. Он, несомненно, есть порождение циничского разума с его важнейшей характеристикой — бессилием критики. Он оказывается циничным способом адаптации к и так уже всем известным безобразиям мира, что, несомненно, отличает прикол от классической сатиры, которая должна была будоражить чувство социальной ответственности. Прикол же никто не воспринимает как призыв к действию, и он точно соответствует ситуации постпостмодерна — тенденции превращения знака в код: знак отсылает не к означаемому, а к другому знаку и в этом смысле перестает быть знаком как таковым. А потому прикол есть эффект свободной игры переозначивания, когда ассоциировать можно что угодно с чем угодно, например, давать заведомо ложные этимологии и наслаждаться вербальной трансмутацией.

Как блестяще замечает в своем эссе о приколе А. Вчерашняя: «Вообще, прикол — это широкое и многогранное явление

современности — настоящий культурный код, поскольку с его помощью можно, с одной стороны, создавать нечто, с — понимать его. Понимать, в чем прикол, означает быть современным, «сечь фишку», чувствовать ситуацию, быть адекватным. Еще короче: понимать, в чем прикол, в наше время, собственно, и означает понимать. (...) Не случайно же в прикол именно врубаются или въезжают. Если это происходит, возникает ситуация соприсутствия, которую грех не использовать в коммуникативных целях»²⁶. Конечно, в таком случае и сам опыт понимания трансформируется, теряя балласт интеллектуальности, поскольку вместо рационального совместного приобщения к метафизическому божественному уму предполагает, прежде всего, эмотивное соучастие. Кроме того, прикол сегодня жизненно необходим: как некогда карнавал помогал не быть раздавленным под грузом сакральной серьезности, так ныне прикол позволяет обрести дистанцию легкости по отношению к слишком тяжелым культурным архивам.

Стилистически прикол, что явствует из самого слова, представляет собой точечное высказывание, остроумную мелочь, микронарацию, соответствующую установке на микроэмоциональность. Сейчас он стал эффективнейшим средством коммуникации, безотказным риторическим приемом, поскольку дремлющее потребительское сознание реципиента рефлекторно реагирует, прежде всего, на легкие щипки приколов. Прикол ситуативен и потому характеризуется одноразовостью — его трудно транслировать без потери эффекта. Отсюда принципиальная незапоминаемость прикола, его легкость на грани летучести. В результате приколы плодятся как дрожифилы в кастрюле с компотом, отмирая и создавая нелицеприятный осадок. Иными словами в сети имеет место тотальная пресыщенность смешным, зашлакованность любого текста знаками прикольного: мемами и смайликами, орфо-артом и эрративами всех сортов и мастей. И вот что интересно: груды непригодных к повторному использованию шуток на обочинах коммуникации по своему тоже функциональны. Их функция состоит в том, чтобы «наследить» и тем самым обозначить зоны безопасности и обитаемости в диких джунглях виртуального, сообщить случайному посетителю сайта, что априори здесь «все свои», бояться некого.

Койне-эффект

В итоге *summa summarum* происходящего создает недвусмысленное впечатление, что в пространстве сетевой коммуникации происходят глобальные изменения на уровне практик, причем можно даже вычленил общий характер этих трансформаций. Назовем его *койне-эффектом*. В сети в наши дни разворачивается процесс формирования универсального языка, похожий на процесс формирования всеобщего греческого в армиях Александра Македонского. Возникший в эпоху становления империи, койне²⁷ не только удерживал на себе

²⁵ Делез Ж. Актуальное и виртуальное. < <http://www.visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm> > (дата обращения 20. июня 2012).

²⁶ Вчерашняя А. Прикол как фактор современной культуры / Дикое поле. 2002. № 2. <http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=88> (дата обращения 29 октября 2010).

²⁷ Койне (греч. κοινή ελληνική) — буквально «общий греческий» — сложился в эллинистический период из смешения четырех основных диалектов древнегреческого языка с явным преобладанием упр-

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

имперские амбиции, но и надолго пережил их. Ситуация, в которой возник койне, напоминает современную: то же вавилонское смешение наречий, разношерстная масса людей, оказавшихся в одном пространстве и просто обязанных поддерживать коммуникативные связи, плюс к этому смещение и перераспределение экономических потоков²⁸, возникновение новых административных единиц (будь то Македонии или сетевые провинции). Да еще к тому же происходящее интенсифицируется сверхтемпами прогресса, который быстро видоизменяет и без того зыбкие границы новообразований. Так что вполне можно сказать, что современный сетез и койне формируются сходным образом. На первый план выходит упрощение языка ради скорости обмена информацией. Так койне на фоне древнегреческого выглядит как модернистская стелла на фоне барочной скульптуры — со сложноорганизованного строя эллиники обсыпались все придыхания, дифтонги, сократились падежи и были отброшены за ненадобностью такие изыски как мелодическое ударение. Дialeктные особенности, будучи поглощены полем общей коммуникации, стерлись, превратившись в словесный полиморфизм, когда для одного и того же слова допустимы несколько вариантов написания и произношения. А стало быть понятие нормы оказалось размыто необратимым образом, и как результат, койне из случайно возникшей служебной формы языка превратился в фундамент для эллинизма как политического, экономического и культурного явления, продемонстрировав при этом удивительную подвижность и живучесть.

В этом смысле контуры койне угадываются и в современной сетевой среде. Конечно, нельзя говорить о наличии всеобщего языка в буквальном смысле, но, несомненно, имеет место всеобщий способ подачи информации в сети. Уста-

щенного аттического диалекта. Сначала койне был языком устного общения, потом стал языком административного управления и деловой переписки и наконец, обрел статус литературного, окончательно вытеснив при этом нормы старой аттической литературы. Койне стал языком Нового завета и трудов отцов церкви, на его основе сформировался сначала язык византийской империи, а в конце концов и современный новогреческий. В лингвистике в качестве термина койне первоначально применялся только к общегреческому языку, однако затем его значение расширилось и под ним стали понимать «устное средство междиалектного (реже — межнационального) общения, вырабатываемое при социальном и языковом контактировании разнообразных групп населения». В этом смысле термин «койне» применяют и к средневековой латыни, выполнявшей функцию межнационального средства общения в сфере науки, религии, управления и судопроизводства, и к среднерусскому говору (московскому диалекту), который лег в основу русского литературного языка. См.: Словарь социолингвистических терминов. Под ред. В.Ю. Михальченко — М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.

²⁸ В сети денежные потоки возникают практически «из ничего» и в большинстве случаев обходят стороной систему налогообложения. Невозможность учета виртуальных денежных единиц (которые тем не менее вполне могут быть конвертированы в «реальные» деньги или материальные ценности) связана по большому счету с коварным онтологическим статусом виртуального как такового: выращенная в теплице классической онтологии система контроля финансов просто не способна работать с такой «несущественной» ерундой, как игровые деньги on-line RPG или система бонусов в социальных сетях. Более или менее официальные трансферы сумм в электронных деньгах (Webmoney, например) тоже минуют большинство налоговых каналов, по которым вынуждены проходить «реальные» деньги.

новка на единство коммуникативного поля парадоксальным образом коррелирует с плюральностью его сегментов. Стоит отметить принципиальную бессубъектность происходящего, связанную с открытостью и стохастическим характером системы. Отсюда неустойчивость и отсутствие видимого порядка связей в гиперпространстве, равно как и вектор агрессивной примитивизации. И, тем не менее, то, что выглядит как очевидная культурная деградация, на самом деле может оказаться становлением новой формы, закономерно неузнаваемой в рамках имеющихся норм и парадигм. Уж слишком бурно, необыкновенно живо протекают эти процессы, вовлекая в свой водоворот даже сторонних наблюдателей, тогда как простой регресс характеризуется скорее застоєм и вялым декадансом.

Говорят, исключительно благодаря харизме Александра Македонского привязанные к своим полисам греки побросали все свои дела и ввязались в непомерно большую войну, перекроившую карту мира и заведшую их невероятно далеко при очевидном отсутствии ясной цели. Как известно, Македонский покорял новые территории чуть ли не из любопытства, стремясь выяснить, что там за горизонтом. Но подкладкой столь харизматичной непоседливости Александра Великого был трансгрессивный вектор выплескивающегося за свои пределы «греческого проекта», черпающего свои силы из новообразованного поля общего языка, парадоксальным образом устойчивого за счет процессов распада и высвобождения энергии. Так что, в конечном счете, койне оказался инструментом покорения горизонта и силой, создающей империю.

В виртуальных территориях койне-эффект также говорит о взрывообразном протекании реакции распада, сопровождающейся высвобождением огромного количества энергии. Волны этой энергии вовлекают пользователей в общее дело сети, заставляя их ощущать свою причастность к чему-то большему, чем они сами, наполняя их энтузиазмом пользовательской активности. Койне-эффект срабатывает на уровне каждого отдельного коммуниканта как алгоритм узнавания медийного повода, как отчетливый импульс к работе по производству информационного мицелия, который может быть выращен адекватным образом только коллективно. Так возникает цепная реакция комментариев и комментариев на комментарии, что вполне может привести к образованию новой социальной платформы. Так что каждый отдельный пользователь, поддавшись на приманку в виде слогана «Мы должны развлекаться в безопасности!»²⁹ и уловив для себя только сладкое слово «развлекаться», сам того не ведая попадает в механизм должествования, где его юзерские силы все до капли перекачиваются в глобальный реактор по производству чего-то невнятного, но явно имперского размаха. Те немногие, что стоят у каналов переключения и способны перекодировать потоки в материальные ценности, тем не менее, не управляют процессом, а как писалось выше, всего лишь обладают искусством седлать волну. Вокруг крупных и мелких сообществ, которые выглядят невинно-некоммерческими, пульсируют могучие финан-

²⁹ Слоган «Мы должны развлекаться в безопасности!» декларируется на главной странице платформы TWOO (www.twoo.com).

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

САВЕНКОВА Елена / Elena SAVENKOVA, ИВАНЕНКО Елена / Elena IVANENKO, КОРЕЦКАЯ Марина / Marina KORETSKAYA

| По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ |

совые потоки, которые возникают для несведущих прямо из воздуха. Действительно, сложно объяснить далеким от интернета людям, почему тот или иной сетевой продукт продан за миллионы долларов.

На антропологическом уровне изменения от койне-эффекта прочитываются в уже набившей оскомину пользовательской гиперактивности, за которой стоит однако та самая трансгрессия «по-македонски». У пользователя по определению уже нет ничего такого, что было бы жаль принести на алтарь бога Ктулху. В самом деле, что такое личное время по сравнению с резонансом сети? Даже лицо как культурно-антропологическая величина меняется на лицо как грамматическую форму, личное место-имение, от которого высказывание состоялось. В результате можно заметить, что всеобщность койне распространяется не только на поля языка; болезненное упрощение проникает глубоко и в сферу телесности тоже, производя сращение тела с узлом коммуникации. На наших глазах произошла эволюция компьютерной техники от ЭВМ

к ПК и далее к наладонникам ППК; то есть от всеобщей вычислительной техники был совершен шаг к персональному цифровому устройству и далее к продолжению тела пользователя. Но не стоит обольщаться: комфорт пользователя оказался вовсе не самоцелью, ведь каждый отдельный пользователь по сути — всего лишь наладонник для тела сообщества. Это в общем-то весьма странное, миксантропное тело как-то очень быстро и незаметно стало своим, получив статус чуть ли не *conditio humana*. Возвращаясь к образу госпожи Ефросинии из «Хазарского словаря», заметим, что тело социума, существующее как социальная сеть, беспрестанно осуществляет странную работу, в процессе которой миксантропные существа учатся говорить с помощью иных частей тела, но это ни у кого особого удивления не вызывает. Очевидно, метаморфоза произошла, и мы находимся уже по ту сторону речи и письма. Эта трансформация социального тела производит беспрецедентно много энергии. Хочется спросить: за счет чего? За счет того, что многое распалось.

